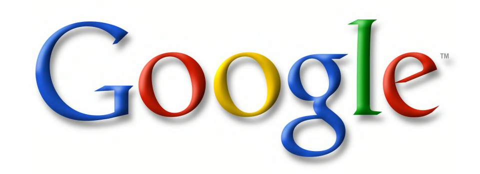
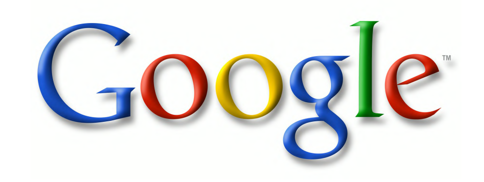




MSKIĬ
EĬSKAIA RI͡ABINA


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА

СТИХОТВОРЕНІЯ

Князя П. А. ВЯЗЕМСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1892.

Viazemscii, P.A.

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА

СТИХОТВОРЕНІЕ

Князя П. А. ВЯЗЕМСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Марта 1892 г.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, вынужденъ былъ провести въ чужихъ краяхъ 1853, 1854 и 1855 годы,—годы, записанные кровавыми буквами на скрижаляхъ Русской Исторіи. „Сердце его ныло, душа возмущалась“. Тамъ, на чужбинѣ, онъ писалъ свои знаменитыя *Письма Русскаго Ветерана 1812 года о Восточномъ Вопросѣ.* Тамъ, изъ глубины сердца его изливались скорбныя пѣсни:

...Тоска неодолимой силой
Уноситъ насъ изъ здѣшнихъ мѣстъ
Въ священный край Россіи милой,
Гдѣ братьямъ посланъ тяжкій крестъ.
Тамъ грозно свирѣпѣютъ битвы,
Тамъ льется намъ родная кровь!
Тамъ наши слезы и молитвы,
Скорбь, упованье и любовь!..

—

...Вотъ отъ чего,—какъ благость Бога
Здѣсь ни щедра и велика,—
Въ васъ бури внутренней тревога
На сердце гонитъ облака.
Вотще подъ праздничной одеждой
Земля зоветъ на праздникъ свой:
Волнуясь страхомъ и надеждой,
Мы вѣсти ждемъ съ земли родной...

—

...Тревожитъ душу неизвѣстность;
Страхъ, потаенная тоска
На свѣтлый день, на всю окрестность
Наводитъ мракъ и облака.
Ни блескъ долинъ, ни Леманъ синій
Не въ силахъ скорби обмануть:
Тѣнь Севастопольской твердыни
Ложится саваномъ на грудь *).

Больной и измученный, проживалъ онъ въ 1854 году въ Веве, на берегу Женевскаго озера. Случайно, во время одной изъ обычныхъ прогулокъ, князь Петръ Андреевичъ увидѣлъ одиноко растущую на „краю“ города рябину. Она просвѣтила духъ его, и онъ написалъ:

*) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 151—153.

Тобой, красивая рябина,
Тобой, нашъ Русскій виноградъ,
Меня потѣшила чужбина,
И я землячкѣ милой радъ.

Любуюсь встрѣчею случайной;
Ты такъ свѣжа и хороша!
И на привѣтъ твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшимъ освѣжило,
Его повѣяло крыло,
И въ душу глубоко и мило
Дней прежнихъ запахъ нанесло.

Все пережилъ я предъ тобою,
Все перечувствовалъ я вновь —
И радость пополамъ съ тоскою,
И сердца слезы и любовь.

Одна въ своемъ убранствѣ аломъ,
Средь обезлиственныхъ деревъ,
Ты вся обвѣшана кораллом,
Какъ шеи черноглазыхъ дѣвъ.

Забывъ и озера картину,
И снѣжный поясъ темныхъ горъ,
Въ тебя, родную мнѣ рябину,
Впился мой ненасытный взоръ.

И предо мною — Русь родная;
Знакомый прудъ, знакомый домъ;
Вотъ и дорожка столбовая
Съ своимъ зажиточнымъ селомъ.

Красавицы, сцѣпивши руки,
Кружокъ веселый заплели
И хороводной пѣсни звуки
Перекликаются вдали:

«Ты рябинушка, ты кудрявая,
«Въ зеленомъ саду предъ избой цвѣти,
«Ты кудрявая, моложавая,
»Бѣлоснѣжный пухъ — кудри, цвѣтъ твои.

«Убери себя алой бусою,
«Яркихъ ягодокъ загорись красой;
«Заплету я ихъ съ темнорусою,
«Съ темнорусою заплету косой.

«И на улицу, на широкую
«Выду радостно на закатѣ дня,
«Тамъ мой суженый черноокую,
«Черноокую сторожитъ меня».

Но пѣсней здѣсь по околотку
Не распѣваютъ въ честь твою:
Кто словомъ ласковымъ сиротку
Порадуетъ въ чужомъ краю?

Нѣтъ, здѣсь ты пропадаешь даромъ,
И средь свѣсившыхъ винныхъ лозъ
Не въ прокъ тебя за лѣтнимъ жаромъ
Прохватитъ молодой морозъ.

Потомка новой Элоизы,
Въ сей романтической землѣ,
Заботясь о хозяйствѣ мызы,
Или, по здѣшнему, — шале,

Своимъ Жанъ-Жакомъ какъ ни бредитъ,
Свой скотный дворъ и сыръ любя, —
Плохая ключница, — не цѣдитъ
Она наливки изъ тебя.

Въ сей сторонѣ неблагодарной,
Гдѣ ты ростешь особнякомъ,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектаръ незнакомъ.

Никто понятья не имѣетъ,
Какъ благодѣтельный твой сокъ
Крѣпитъ желудокъ, сердце грѣетъ,
Вдыхая сладостный хмѣлекъ.

Средь здѣшнихъ всѣхъ великолѣпій
Ты, въ одиночествѣ своемъ,
Какъ роза средь безлюдной степи,
Какъ свѣтлый перлъ на днѣ морскомъ.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный какъ и ты,
Дѣлю одинъ съ тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Такъ, я одинъ въ чужбинѣ дальной
Тебя привѣтствую тоской,
Улыбкою полу-печальной
И полу-радостной слезой.

Въ своей *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 9 ноября 1854 года, князь П. А. Вяземскій записалъ: „Въ саду предъ домомъ на краю Веве, рябина съ красными своими ягодами, изъ коихъ не умѣютъ дѣлать здѣсь ни наливки, ни пастилы“ *).

Десять лѣтъ спустя, именно въ 1864 году, князь П. А. Вяземскій посѣтилъ опять Веве и остановился въ Hôtel des trois couronnes. Въ это же время въ Женевѣ въ Hôtel des Bergues жила княгиня Марія Аркадіевна Вяземская съ своими дѣтьми, внуками князя Петра Андреевича. Княгиня Вяземская съ своимъ семействомъ часто ѣздила въ Веве.

---

*) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 154—157; 1886. X, 140.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, князь Петръ Андреевичъ, съ своими внуками княземъ Петромъ Павловичемъ, княжнами Екатериною Павловною и Александрою Павловною, отправился, по обычаю, на прогулку. Выходя изъ дому, онъ сказалъ имъ: „Пойдемте искать рябину, которой я написалъ стихи въ 1854 году". Они пошли по дорогѣ, ведущей изъ Веве въ Женеву. На краю городка, не далеко отъ шоссе, на правой рукѣ, показалась знакомая князю „небольшая" рябина. „Остановились и немного постояли передъ ней"...

Вскорѣ послѣ этой прогулки, князь Петръ Андреевичъ, пріѣхалъ въ Женеву и остановился въ томъ же Hôtel des Bergues. Здѣсь, въ гостинной княгини Вѣры Ивановны Горчаковой, пріѣхавшей погостить къ роднымъ, князь Петръ Андреевичъ подарилъ старшей своей внучкѣ альбомъ, переплетенный въ малиновый сафьянъ, и сказалъ: „Вотъ я вписалъ тебѣ въ альбомъ, на память о нашей прогулкѣ" *). Это

*) Сей коментарій къ *Вевейской Рябинѣ* сообщенъ мнѣ правнукомъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ.

вписанное оказалось новое, доселѣ не напечатанное стихотвореніе князя Вяземскаго, подъ заглавіемъ:

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА.

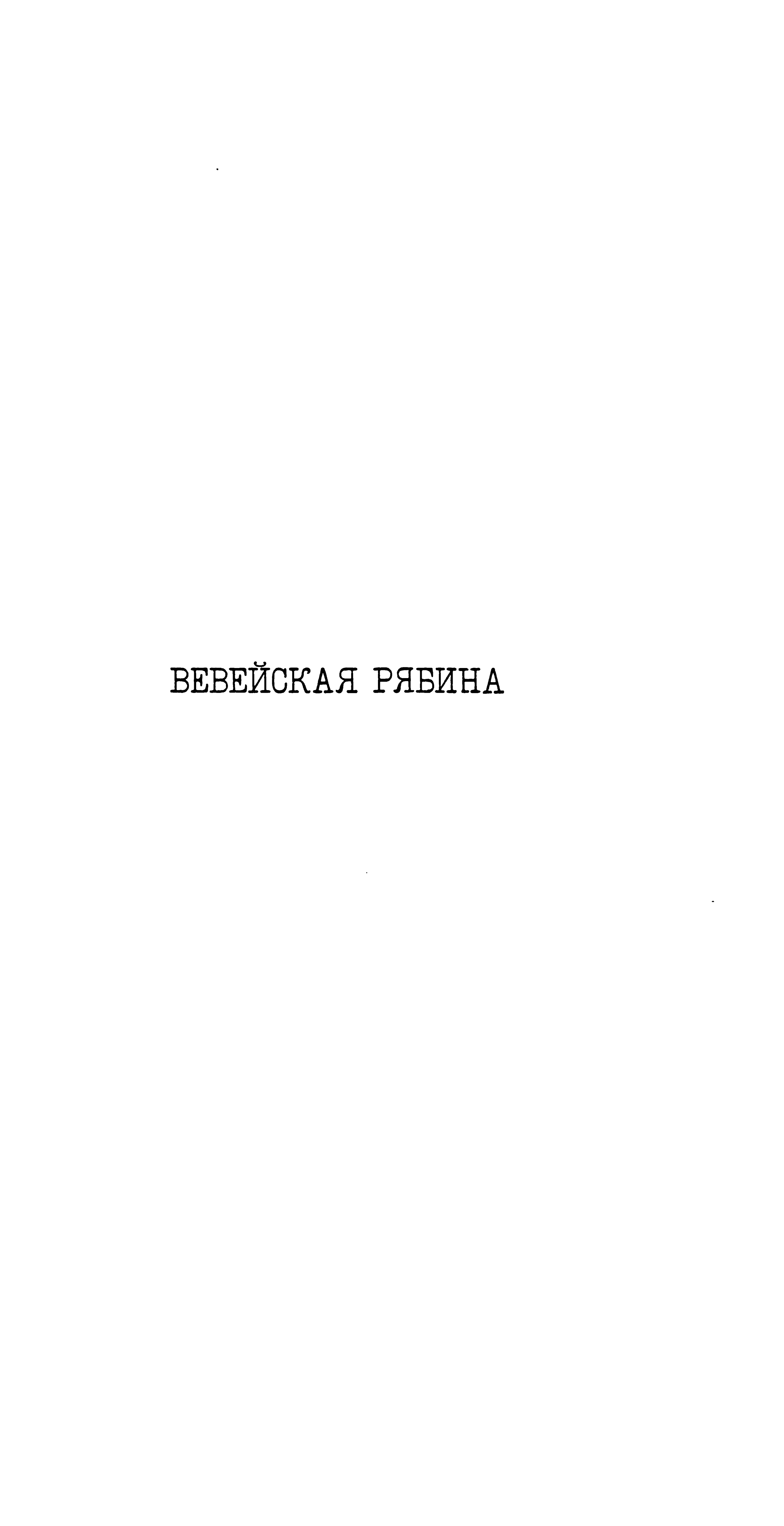
Внучкѣ моей Катѣ Вяземской.

Внося сіе прекрасное произведеніе въ сокровищницу Русской Литературы, долгомъ считаемъ напомнить нашимъ соотечественникамъ, что 12-го іюля текущаго 1892 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Бѣдная, одинокая Вевейская рябина является предъ нами какъ бы живымъ существомъ съ таинственнымъ значеніемъ въ жизни нашего писателя. Она просвѣтила духъ его на чужбинѣ, въ годину огненнаго и крöваваго испытанія нашего Отечества, и ей же суждено напомнить о немъ живущимъ тогда, когда на землѣ простылъ его „слѣдъ въ молчаньи гробовомъ“.

Николай Барсуковъ.

25-го февраля 1892 года.
С.-Петербургъ.



ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА.

Внучкѣ моей Катѣ Вяземской *).

I.

Я отыскалъ свою рябину,
Которой пѣснь я посвятилъ,
Съ которой русскую кручину
Здѣсь на чужбинѣ я дѣлилъ.

—

Въ нарядномъ, красномъ сарафанѣ,
Подъ блескомъ солнечнаго дня,

*) Графиня Екатерина Павловна Шереметева (рожденная княжна Вяземская). *Н. Б.*

Красивой *) осени картину,
Лазурь небесъ и облака,
Мою завѣтную рябину,
А съ ней и дѣда - старика.

Кн. Вяземскій.

Веве
Октябрь 1864.

---

*) Слово *красивой* подчеркнуто авторомъ въ подлинникѣ. Причина сего слѣдующая: Однажды княжна Екатерина Павловна написала своему дѣду письмо, въ которомъ слово *красивый* повторялось не менѣе восьми или десяти разъ. Князь Петръ Андреевичъ долго потомъ подсмѣивался надъ своею внучкою и въ письмахъ своихъ къ ней, если употреблялъ слово красивый, то подчеркивалъ его.

Графъ Пв. Ш.

Еще пышнѣй, еще румянѣй
Глядитъ красавица моя.

—

Радушно ласковымъ привѣтомъ
Мы молча обмѣнялись съ ней:
Красуясь предъ своимъ поэтомъ,
Съ гостепріимствомъ прежнихъ дней,

—

И чѣмъ богата тѣмъ и рада,
Спѣшитъ землячка мнѣ поднесть
Кисть намъ роднаго винограда,
Родныхъ садовъ живую вѣсть.

—

А я принесъ въ твои поляны *)
Года увядшіе мои,
И скорби новыя и раны
Не заживающей души.

II.

Когда же на землѣ простынетъ
Мой слѣдъ въ молчаньи гробовомъ,

---

*) Первоначально этотъ стихъ былъ написанъ авторомъ такъ: *А я принесъ ей, гость нежданный.* *Н. Б.*

И время въ сумракъ отодвинетъ
То, что своимъ теперь зовемъ:

—

Не все-жь волной своей мятежной
Затопитъ быстрыхъ дней потокъ,
Хоть въ сердцѣ ближнихъ, дружбой нѣжной,
Мнѣ отведется уголокъ.

—

Въ весельяхъ юности безпечной,
Подъ часъ на самый свѣтлый день
Тайкомъ изъ глубины сердечной
Находитъ облачная тѣнь.

—

Въ тѣ дни, возлюбленная внучка,
Когда хандра на умъ найдетъ,
И память обо мнѣ, какъ тучка,
По небу твоему мелькнетъ:

—

Быть можетъ, думою печальной
Прогулку нашу вспомнишь ты,
И Лѐманъ яхонтно-зерцальной,
И разноцвѣтныхъ горъ хребты,

—

